

но как бы сам себя реанимирующий». И слушатели улыбаются, понимая и горечь этих слов, и счастливое чувство человека, вновь отправляющегося в трудную и манящую дорогу.

Итак, сенсация — А. Герман, живой классик, режиссер и сценарист, автор прекрасных картин «Двадцать дней без войны», «Проверка на дорогах» и «Мой друг Иван Лапшин», дважды лауреат Государственных премий, начинает работу над новым фильмом! Тыфу-тыфу-тыфу, чтоб не сглазить.

Алексей ГЕРМАН:

«МЫ — КАНАРЕЙКИ, КОТОРЫЕ ГИБНУТ ПЕРВЫМИ»

ОН уже много лет ничего не снимает. Некоторые его друзья объясняют это просто — он боится. Боится, что снимет негениальный фильм, а ему, с его именем, это, конечно, непозволительно. Но дело не только в этом. Дело, скорее, в нашем времени. Или, правильнее, в безвременьи.

Архимеду была нужна точка опоры, чтобы перевернуть мир. Нам, в нашем перевернутом мире, точка опоры нужна вдвойне. Такой опорой художникам, живущим под бдительным оком вертухаев социализма, служил эзопов язык. Язык, изобретенный тоже рабом, возмущавшим свободу, давал возможность и высказаться, и быть понятым соседями, и уцелеть. И вдруг двери распахнулись, решетки с окон слетели, а давно ставший почти родным охранник куда-то спрятался. Стало возможным говорить правду, не маскируясь эфемеризмами или мифами героической эпохи, и это оказалось наиболее трудным, ибо было непривычным. Многие мастера замолчали, и надолго.

В самом начале перестройки А. Герман начал работу над воплощением давнего замысла — экранизацией повести братьев Стругацких «Трудно быть богом». Но вдруг выяснилось, что такой фильм уже снимает западногерманский режиссер П. Фляйшман на киностудии им. А. Довженко. Недоумевающему А. Герману стремительно демократизирующееся киношное начальство заявило: «Ну и что? Он снимает, и вы себе спокойно снимайте. Так даже интереснее — будут две разные трактовки».

Но режиссер от своих планов отказался. Фильм умер, не

родившись. А жаль.

Вряд ли германовская картина была бы похожа на тот легкий боевичок, который снял П. Фляйшман. В прочтении А. Германа основной акцент делался не на причастности главного героя к инопланетным технологиям, а на действительно божественном всеисии. Этот всемогущий бог во плоти, искренне желая помочь людям построить лучшую жизнь, не смог сделать абсолютно ничего. Кроме одного — пролить кровь. Согласитесь, коллизия наших дней.

Потом была чеховская «Палата № 6». И опять в какой-то момент возникло сомнение: тот ли это материал, над которым сегодня надо работать? Так рухнула и эта затея.

В последние годы А. Герман вместе со своей женой и постоянным соавтором С. Кармалитой написал несколько сценариев, которые были поставлены другими режиссерами. А собственный фильм все никак не хотел материализоваться.

В это время многое менялось в советском кинематографе. Пришедшие к руководству Союзом кинематографистов СССР вчерашние «гадкие лебеди» — Э. Климов, А. Смирнов, С. Соловьев и другие — азартно принялись за радикальную переделку всей структуры нашего кино.

Однако А. Герман не спешит радоваться. Он более склонен охлаждать горячие головы и развеивать иллюзии, чем возглавлять ликующие колонны. Он говорит: «Художник должен быть всегда в оппозиции, всегда несогласен с существующим порядком вещей. Мы — те канарейки, которые первыми гибнут в загазованных шахтах и своей смертью

предупреждают об опасности».

Оставаясь в оппозиции, А. Герман открыл свое маленькое дело — на «Ленфильме» создана Лаборатория экспериментального фильма, структура заведомо некоммерческая. И в нашем неблагоприятном мире все-таки отыскивались интересные, очень многообещающие молодые режиссеры, их первая продукция уже на подходе к экрану.

А самого А. Германа посетили представители знаменитого американского режиссера и продюсера Ф. Копполы с предложением экранизации вы-

шедшей на Западе книги воспоминаний детства И. Бродского. Началась работа, но вскоре выяснилось, что сценарий получается о собственном детстве А. Германа, а фигура поэта-изгнанника куда-то исчезла. Заказчики вроде бы и не были против такой трансформации, но их чрезмерное, на взгляд автора, вмешательство в работу привело к тому, что в конце концов он отказался от этого незойливого партнерства.

И этот проект грозил не состояться, но вдруг, — волшебное «вдруг!» — основа драматической ситуации, движущая пружина искусства, — вдруг с предложением продолжить работу к А. Герману обратился Марин Камитти, преуспевающий французский продюсер, недавно триумфально закончивший с П. Лунгиным фильм «Такси-блюз». Потом были поездки в Париж, долгая работа над сценарием, и вот, похоже, дело сдвинулось с мертвой точки, и не за горами съемочный период.

Плохая примета — пересказывать замысел еще не снятого фильма. Скажу только, что действие охватывает последние четыре десятка лет (в центре его — члены семьи высокопоставленного ленинградского офицера) и преломляет в себе основные этапы нашей общей судьбы. Можно предположить со всей уверенностью: мы получим возможность вновь заглянуть в мир А. Германа, мир живой и метафоричный одновременно, мир кристаллизованного Времени.

Александр ПРИВАЛОВ
[пресс-служба СК БССР
для «Знамени юности»].